

Театр «Сатирикон»

16+

Б. ШОУ

«Лондон Шоу»

14 вс – 19 ч

История городской Золушки

Дулитл – Г. Сиятвинда. «Лондон Шоу»

Фото: Е. Касаткина

Английский драматург Бернард Шоу определил жанр своей пьесы «Пигмалион» как «romance», что в переводе с английского означает не только романс, но и роман-фантазия или романтическая новелла, в общем очень далекий от эстетики театра «Сатирикон» жанр. Константин Райкин, поставил «Пигмалиона» в версии своего театра и назвал спектакль «Лондон Шоу». Впрочем, если написать в нем второе слово с маленькой буквы, тоже выйдет верно. У худрука театра «Сатирикон» получилось динамичное, запоминающееся и порой смешное до слез зрелище, одним словом, шоу. Оно пришлось по душе зрителям: 3 апреля «Лондон Шоу» сыграли в 200-й раз.

История о лондонском профессоре-филологе Хиггинсе, заключившем пари с коллегой, что вульгарно разговаривающую цветочницу Элизу Дулитл благодаря его занятиям

вскоре не отличат от герцогини, известна. Важно, как ее рассказать. И Райкин придумал необычный прием: в театре появилось кино. Нет, речь вовсе не о видеосъемке и живой трансляции, которую сейчас не используют в спектаклях только ленивый! Эффект черно-белого немого кино на сцене создается чисто театральными средствами. «Лондон Шоу» начинается таким «кинофрагментом». Завязка «Пигмалиона» – театральная развязка после спектакля под внезапно начавшимся ливнем, где актеры обычно с трудом продираются сквозь поток медленно плетущейся драматургом словесной вязи. Ее медленный ритм не интересен ни Райкину, ни зрителям. И режиссер заменяет ее на «немую фильму»: сцену освещают приглушенные, мерцающие прожекторы, имитируя бег старой киноплёнки, актеры движутся в ускоренном темпе под музыку из фильмов Чарли Чаплина. Их пластика настолько точно выстроена и выразительна, что сразу узнаешь главных героев. Глядя на них, вспоминаешь кино начала XX столетия и мемуары его звезд, умевших вызывать у зрителя слезы или смех только эффектным жестом или поворотом головы. «Театральное кино» знакомит и с эпизодами, которые драматург пропустил: изнурительные для Элизы уроки, ее успех на светском приеме, сон героини и свадьбу ее папаши в финале, где за упитанными женихом и невестой несут ватагу младенцев.

События разворачиваются в начале прошлого столетия, но Райкин, по обыкновению, точно чувствует пульс времени. Идеи поменять свою социальную маску и подняться вверх по общественной лестнице появились, кажется, одновременно с представлениями об этих лестнице и маске. Особенно если человек живет в большом городе. Она была актуальна во времена Шоу, осталась актуальной и сейчас. И хотя в русском языке не так много

акцентов, как в английском, у нас найдется немало успешных людей, воплотивших ее в жизнь и сочинивших себе новую биографию.

На сцене «английские» интерьеры (художник-сценограф Борис Валуев): библиотека с двухэтажными книжными шкафами до потолка и с потайными дверями, элегантная гостиная обаятельной миссис Хиггинс (Лика Нифонтова). Но темперамент у главных героев не нордический английский, а скорее бурный итальянский. Они ведут диалоги в стремительном темпе, носятся по сцене и прыгают через стулья. Нет, режиссер вовсе не противоречит замыслу Шоу, он просто делает описанные драматургом характеристики и качества героев максимально выразительными. При этом умеет не просто удивить зрителей, а добиться, чтобы его мизансцены запомнились. Профессор Хиггинс у автора большой ребенок, поэтому Хиггинс (Артем Осипов) вместе с полковником Пикерингом (Сергей Громов) затевают веселую игру: стоя на «балкончиках» по разные стороны библиотеки, они произносят всевозможные гласные звуки, подхватывая и порою пародируя друг друга. Хиггинс запросто может положить ноги на стол, грубит словно подросток, употребляет жаргонные словечки и выглядит инородным телом в салоне своей матери. Элиза (Альбина Юсупова), грубая и неотесанная у Шоу, в начале напоминает скорее дикого зверька: во время урока она не хочет стоять прямо у балетного станка, а повисает на нем и кувырывается как обезьянка. Оба выхода мусорщика Дулиттла (Григорий Сиятвинда) поставлены как отдельные бенефисные номера. Грязный оборванец уморительно чешет все тело, не только руками, но и почесывается обо все предметы в комнате и заражает чесоткой даже невозмутимую миссис Пирс (Марина Иванова), привыкшую к эксцентричным выходкам своего хозяина. Снова появившийся на сцене, папаша Дулиттл разбогател, отмыт и приодет. Но суета в руках осталась. Теперь он все время достает что-то из карманов, причешивается, полирует ногти, надевает на голову сеточку, укладывается на диван вздремнуть, заведя огромный будильник. Актер притягивает внимание, заставляя следить за ним неотрывно, как за фокусником, достающим кролика из шляпы.

*Элиза – А. Юсупова, Хиггинс – А. Осипов.
«Лондон Шоу»
Фото: Е. Касаткина*

Неизвестно, был ли доволен Пигмалион из мифа характером ожившей Галатеи. У Шоу Хиггинс – умный, свободный и резкий, такой, как есть, сделал из Элизы светскую барышню, но сам презирает и светское общество, и его мораль. Найдут ли они общий язык? В спектакле героев настигла любовь – сумасшедшая, всепоглощающая. Их объяснение после выигранного пари построено через стремительный бег. Но и Хиггинс, и Элиза сильные личности, оба стремятся к лидерству. И пока героиню сравнивают с оборванцем Чарли (на светском приеме Элиза наигрывает на электрогитаре одну из его мелодий), она считает иначе. Во сне Элиза видит себя хозяйкой цветочного магазина, куда заглянул Хиггинс-Чарли. Так между сюжетами фильма «Огни большого города» и спектаклем «Лондон Шоу» возникает перекличка. Вопрос, смогут ли герои забыть о своих амбициях и жизненных установках, чтобы не потерять единственную в жизни любовь, остается открытым. В последней немой сцене Элиза при появлении Хиггинса застывает напряженно как струна, а он, подняв воротник плаща, резко уходит. Надежду на счастливый финал внушает только определение Константина Райкина в программке спектакля: «История городской Золушки, в которой наказаны высокомерие и эгоизм, а тот, кого приручали, сам приручил того, кто приручал».

Ольга Романцова